

ОКСАНА КОВАЛЬ, ЕКАТЕРИНА КРЮКОВА*

ПОСЛЕ БЕНЬЯМИНА**

ПОЭТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ ХАННЫ АРЕНДТ

Получено: 31.05.2023. Рецензировано: 03.09.2023. Принято: 09.01.2024.

Аннотация: Термином «поэтическое мышление» Ханна Арендт охарактеризовала необычную манеру философствования Вальтера Беньямина. Ориентированный на выразительные средства языка, его подход заметно отличался от общепринятых метафизических канонов, но в то же время шел вразрез и с новаторскими направлениями западной мысли, даже теми, которые фокусировались на лингвистических вопросах. Это сделало его фигуру маргинальной в академической среде 1920–1930-х гг., но в 1970-е гг., когда наследие Беньямина было открыто заново, и его нестандартные интуиции оказались крайне созвучны современности, он стал одним из самых выдающихся интеллектуалов столетия. Ханна Арендт в этой истории посмертной славы Беньямина сыграла роль своеобразного медиума — не только потому, что она взяла на себя заботу об издании его трудов и продвижении его идей среди американской публики, но и потому, что в собственном творчестве неоднократно обращалась и по-своему развивала волновавшие Беньямина философские сюжеты. Чтобы проследить эту рецепцию, в статье анализируется несколько источников: во-первых, эссе Арендт о Беньяmine, послужившее предисловием к англоязычному сборнику его сочинений, во-вторых, «Дневник размышлений» Арендт, в котором фиксировались начальные импульсы будущих теорий, в-третьих, ее философское завещание, труд «Жизнь ума», в котором, среди прочего, изложено оригинальное учение о метафоре. Предпринятое рассмотрение, осуществленное с привлечением философской концепции языка Беньямина, позволяет утверждать, что поэтическое мышление, родоначальником которого Арендт считала своего безвременно ушедшего друга, в не меньшей степени присуще и ей самой.

Ключевые слова: Ханна Арендт, Вальтер Беньямин, философия и литература, язык и мышление, метафора, Ханс Блюменберг.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-99-116.

Дружба Ханны Арендт и Вальтера Беньямина, отголоски которой можно обнаружить в творчестве обоих мыслителей, длилась всего

*Коваль Оксана Анатольевна, к. филос. н., доцент, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург), ox.koval@gmail.com, ORCID: 0000-0003-4718-6669; Крюкова Екатерина Борисовна, к. филос. н., научный сотрудник, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург), kriukova.jr@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6585-4611.

**© Коваль О. А. и Крюкова Е. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00925 (<https://rscf.ru/project/23-28-00925/>) «Ханна Арендт и вопросы литературы: поэтическое мышление как особая форма философствования».

несколько лет. Они познакомились в Париже, куда вынуждены были уехать после прихода Гитлера к власти. Но если для Арендт попытка дальнейшего бегства — уже с охваченного войной европейского континента в Соединенные Штаты — имела благоприятный исход, то для Бенямина она оказалась роковой. Его самоубийство на испанской границе¹ положило конец их непосредственному общению, однако тот живой диалог, который они вели вплоть до последних дней Бенямина, на этом не прервался: отныне, осуществляемый усилиями одной Арендт, он проявляется не только в заботе об издании и распространении его трудов, но и сказывается на направленности и стиле ее собственного философствования. Обычно, когда говорят о влиянии, которое испытала Арендт, в первую очередь называют имена Мартина Хайдеггера и Карла Ясперса. Отношения с ними хотя и были предельно доверительными, сохраняли тем не менее след первоначальной педагогической субординации. Ее можно уловить и в почтительном обращении Арендт к обоим мэтрам, и в демонстративном отказе Хайдеггера признавать успехи и интеллектуальные достижения бывшей ученицы, и даже в том покровительстве, которое она искала и неизменно находила у Ясперса. И совсем иного рода узы связывали Арендт с Бенямином. В период знакомства оба они осваивали непривычную для себя роль изгнанников, лишившихся самых элементарных ориентиров: родины, языка, академической среды, уверенности в завтрашнем дне. Такая уязвимость способствовала мгновенному узнаванию себя в другом и сразу предопределила характер их общения — как равного с равным. Начиная с 1936 г. они регулярно собирались на парижской квартире Бенямина, чтобы обсудить в узком кругу рукописи друзей, последние политические события и волновавшие их философские сюжеты. То внимание, с которым они относились к мыслям и текстам друг друга, позволяет предположить, что, сложись судьба Бенямина иначе, его теоретические рассуждения наверняка резонировали бы с идеями Арендт — точно так же, как ее произведения, написанные после войны, отражают многие вопросы, когда-то поднятые Бенямином.

I

Англоязычный читатель впервые познакомился с сочинениями Вальтера Бенямина спустя почти 30 лет после его смерти, когда свет

¹Об обстоятельствах гибели Вальтера Бенямина см., например, в биографическом труде (Айленд и Дженнингс, Эдельман, 2018: 695–699).

увидела книга «Illuminations», подготовленная к печати Ханной Арендт (Benjamin, Zohn, 1968)². Это собрание самых значимых эссе Беньямина предварял очерк Арендт, который она включила и в свой сборник «Люди в темные времена» (1968). Представляя малоизвестного немецкого интеллектуала широкой аудитории, Арендт брала на себя трудную задачу. Даже на родине, в Германии 20–30-х гг., Беньямин не снискал большого признания — ни своими научными трудами, ни журналистской деятельностью в качестве литературного критика. Причиной тому были, с одной стороны, неконвенциональный тип мышления, затрагивающий самые разные предметы — от барочной драмы до новых медиа, от стратегий перевода до постижения истории, а с другой — особый способ письма, подчиняющийся не дискурсивным законам рационального построения, а скорее причудливой логике поэтической интуиции. Казалось бы, пропасть, которая отделяет Германию периода между двумя войнами и процветающую Америку 60-х — и временная, и языковая, и идеологическая — должна была усугубить непонимание и без того сложного континентального философа. Но Арендт идет на этот риск и в полном соответствии с методом, который разрабатывал сам Беньямин, а именно: погружаться в прошлое через настоящее, — обращает дистанцию из препятствия в преимущество. Тот образ Беньямина, который стал притчей во языцех среди его современников — образ человека, преследуемого неудачами, — накладывается Арендт на главную катастрофу XX в., развернувшую свою чудовищную мощь лишь после его гибели. И вот уже немецкий аутсайдер приобретает типологические черты и репрезентирует собой судьбу целого поколения³. Оттого многократно всплывающее на страницах эссе Арендт сравнение почти забытого философа с канонической к тому моменту фигурой Франца Кафки не выглядит чрезмерным. Более того, через 10–20 лет, на следующем витке темпорального отдаления оно начнет восприниматься как само собой разумеющееся: совершенно справедливым будет сказать,

²Некоторые подробности замысла, перевода и публикации этой книги, а также планы касательно следующей, можно узнать из переписки Арендт с ее подругой и издательницей Хелен Вольф (Arendt, 2019: 622–644). Так, в 1975 г. Арендт работала над вторым томом текстов Беньямина, но не успела завершить данный проект ввиду внезапной смерти, и книга «Reflections» вышла уже под другой редакцией: Benjamin, Jephcott, 1978.

³Редкий случай исторической прозорливости демонстрирует Эрих Кестнер в своем романе «Фабриан» (1931), если считать оправданным допущение, что прототипом одного из главных героев, ученого Лабуде, отвергнутого университетским сообществом, послужил Вальтер Беньямин (см. Крюкова, Коваль, 2021).

что значение Беньямина для современной философии сопоставимо по своим масштабам со значением Кафки для современной литературы.

В начале своего портретного эссе Арендт задается вопросом о природе славы и показывает ее социальную обусловленность. Известность в обществе — эпифеномен публичной сферы, которую Арендт отделяет и противопоставляет частной, полагая, что та должна оставаться непрогнозируемой для чужих взглядов. Именно с таким бережным отношением к приватному, она, по верному наблюдению Хельгард Мардт,

сообщает лишь те сведения из беньяминовской жизни, которые позволяют раскрыть его уникальность, и основная тональность ее рассказа — любовь, которой проникнуто понимание того, что «величие» жизни и трудов не изморяется славой и успехом (Mahrtdt, 2007: 33).

Популярность того или иного автора, по мнению Арендт, напрямую связана с возможностью вписать его в определенную категорию. Творчество же Беньямина не поддается существующим классификациям: его философские этюды отличает непростительная для серьезного научного высказывания вольность, политические заявления граничат с мессианскими предостережениями, а литературная критика выходит за рамки сугубо филологического рассмотрения. Чтобы обозначить характер подобного теоретизирования, Арендт изобретает специальную формулу, открывая в Беньяmine «исключительно редкий дар *поэтической мысли*» (Арендт, Дубин, 2014: 156). Вероятно, такая мысль рождается из переплетения фантазии и действительности, из самобытной манеры обходиться с миром как с литературным произведением, а художественный вымысел воспринимать как неотъемлемую часть реальности. Неслучайно одной из любимых цитат Беньямина была строчка из стихотворения Гофмансталя «Глупец и смерть»: *Was nie geschrieben wurde, lesen* («Что не было написано — читать»).

В противоположность традиционному философскому дискурсу большинство текстов Беньямина скорее содержат опознавательные знаки романного повествования. Во-первых, инстинктивно не доверяя отвлеченным конструкциям, он населял страницы своих сочинений самыми настоящими персонажами. И таковы не только коллекционер или фланер, воплощающие ключевую для Беньямина мысль о присутствии прошлого в настоящем, но и ангел истории, который поворачивается спиной к будущему, и Адам, который именуется вещи словами первоязыка, и маленький горбун, который околдовывает своим взглядом рассказчика «Берлинского детства». Во-вторых, пристальное внимание Беньямин

уделял «месту действия». Едва ли какой другой мыслитель оставил столь запоминающиеся портреты городов — Неаполя, Москвы, Берлина, Марселя, не говоря уже о Париже, «столице XIX века». (Тогда же яркие топографические образы возникают и в литературе, незаметно превращаясь из декораций в равноправных действующих лиц модернистских романов: это и Дублин Джеймса Джойса, и Триест Итало Звево, и Лиссабон Фернандо Пессоа, и Лондон Вирджинии Вулф, и Париж Луи Арагона, и Берлин Альфреда Деблина.) В-третьих, время интересовало Беньямина не как абстрактная величина или априорная форма, а как динамичная наполненность разными вещами, идеями, переживаниями, событиями, которые он, подобно поэту, не пренебрегая мелочами, мастерски сплетал в единый нарратив.

В полную силу его увлекало, — пишет Арендт, — то, что дух и его материальные проявления связаны настолько тесно, что буквально во всем можно видеть бодлеровские *соответствия*, которые высвечивают, проясняют друг друга и при подобной взаимосотнесенности уже не нуждаются в истолковательском или объяснительном комментарии (Арендт, Дубин, 2014: 44).

Все три упомянутых художественных элемента различимы и в эссе Арендт о Беньяmine. Так, в ее воспоминаниях он тоже предстает многоликим персонажем, причем лики эти заимствованы из его собственных произведений. Феноменальная невезучесть оказывается необъяснимой без привлечения магии сказочного горбуна, который неотрывно следит и за повзрослевшим Беньямином, строя ему каверзы на каждом шагу. Распознавание природы коллекционера, который стремится спасти от забвения маленькие осколки прошлого, помогает понять не только одержимость Беньямина приобретением старинных книг или детских игрушек, но и некоторую «нездешность» присущего ему образа жизни и мысли.

Его жесты, поворот головы при вслушивании и разговоре; его походка; его манеры, а особенно — манера говорить, вплоть до выбора слов и особенностей синтаксиса; наконец, его бросавшиеся в глаза идиосинкратические вкусы, — всё было настолько старомодным, точно его ненароком вынесло из девятнадцатого века в двадцатый, как мореплавателя — на берег чужой земли (там же: 67).

Старомоден и сам тип коллекционера, к которому принадлежит Беньямин: он отыскивает антикварные предметы не из соображений выгоды, а напротив, в надежде избавить их даже от той полезности, на которую их обрек бытовой прагматизм. В собраниях Беньямина вещи

больше никому не служат (даже владельцу), и это «освобождение» высвечивает ценность их существования как такового — Арендт сравнивает ее с той ценностью, которую французские экзистенциалисты спустя несколько десятилетий будут придавать неповторимости каждой человеческой жизни.

Наиболее же распространенным стало арендтовское отождествление Беньямина с фланером, праздношатающимся по закоулкам больших городов с единственной целью — поймать взглядом мимолетные фрагменты действительности, не предназначенные ни для чьих глаз, случайная комбинация которых, между тем, и составляет эфемерную ткань истории. Одинокая фигура в урбанистическом пейзаже так созвучна образу Беньямина еще и потому, что его мысль невозможно отделить от пространства и времени ее разворачивания — Берлина «золотых двадцатых» и Парижа последних предвоенных лет. Воссоздавая атмосферу, в которой творил Беньямин, Арендт не обходит вниманием ни сионизм, который в его случае парадоксально сочетался с марксизмом, ни набирающий силу антисемитизм, ни общее умонастроение кризиса западной цивилизации. С акцентом на эти веяния эпохи ей удастся показать, что анахроничность Беньямина была признаком не традиционалиста, крепко держащегося за вековые авторитеты, а напротив, модерниста, ищущего и осваивающего новые пути обращения с прошлым. Идеальная книга, которую мечтал написать Беньямин, должна была, по его признанию, целиком состоять из цитат. Этот необычный способ высказываться с помощью чужих текстов Арендт представляет в качестве новаторской философской техники — наподобие сюрреалистического монтажа, сталкивающего между собой материи разного порядка, которые вдруг начинают звучать по-иному.

Работа заключалась для него в извлечении фрагментов из их первоначального контекста и выстраивании заново таким образом, чтобы они иллюстрировали друг друга и были способны отстоять свое право на существование именно в таком, свободно плавающем виде (Арендт, Дубин, 2014: 147).

Примечательно, что в эссе о философе Арендт сама задействует этот прием, мастерски вплетая в свое повествование отрывки из сочинений, а главное — писем Беньямина⁴. И дело не только в том, что в этих

⁴Арендт опирается на двухтомник избранной корреспонденции, изданный Шолемом и Адорно (Benjamin, 1966). В отсутствии какой бы то ни было биографии (первая — «История одной дружбы» Гершома Шолема — появится лишь в 1975 г.) эти письма служили единственным источником информации о судьбе Беньямина. Хотя Арендт высоко оцени-

пассажах отчетливо слышится его голос. Важнее, что она претворяет в жизнь его идеи, извлекая из недавней истории таившиеся в ней, но остававшиеся неведомыми смыслы, которые на удивление точно отвечают настоящему моменту.

II

Термин «поэтическое мышление», которое Арендт закрепляет за своеобразным стилем Беньямина, указывает на внутреннее родство философии и поэзии как двух способов артикуляции истины и выводит тем самым на первый план общую стихию их обитания — язык. В завершение своего эссе она представляет проблему языка как едва ли не магистральную во всем творчестве Беньямина. Рано возникшая в горизонте его интересов, эта тема тоже оказывается характерной приметой времени. Упоминание Витгенштейна и аналогия с поздними хайдеггеровскими интуициями позволяют Арендт причислить Беньямина к родоначальникам важнейшей для XX в. тенденции — лингвистического поворота. И действительно, его первые наброски к философской теории языка⁵ возникают тогда же, когда зарождаются революционные положения Трактата. Но если Витгенштейн делает упор на логическую структуру предложений, в которой зеркально отражается структура фактов, то Беньямин избирает в качестве путеводной нити мифологическое предание. Интерпретируя библейскую космогонию, он изображает отношения между Богом, человеком и миром как опосредованные словом. В неканонической версии Беньямина Господь, поручив Адаму довершить создание мира и назвать вещи их именами, «выпустил на свободу язык, который служил *Ему* медиумом творения» (Беньямин, Болдырев, 2012а: 17). Первый человек у Беньямина не возвышается над сотворенным, а вслушивается в него: он внимает языку вещей, тому безгласному наречию, на котором они обращаются к нему, чтобы, во-первых, вызвать их из немоты, а во-вторых, исполнить собственное предназначение,

вала факт появления в Германии подобной публикации, в полемике, которая развернулась на страницах журнала «Меркур» в 1967 г. вокруг ангажированного редактирования писем Беньямина (Шолема и Адорно заподозрили в том, что они исключали из них целые тематические блоки, которые не одобряли), она была привлечена в качестве прямого свидетеля и заняла как раз сторону критиков (см. об этом подробнее: Schöttker & Wizisla, 2005).

⁵Имеются в виду фрагмент «О языке вообще и о языке человека» (1916) и письмо Мартину Буберу «О сущности языка» (от 17 июля 1916 г.). Затрагиваемые здесь Беньямином вопросы получают свое развитие в тексте «Задача переводчика» (1924), который предвещает издание его переводов Бодлера.

т. е. стать языковым существом, ибо, по Беньямину, «человек — это тот, кто именуется» (Беньямин, Болдырев, 2012а: 12). Разъясняя такую антропологическую зависимость от языка, постулируемую Беньямином, Арендт пишет: «Язык для него был, в первую очередь, не даром речи, отличающей человека от прочих живых существ, а, напротив, „сущностью мира... из которой возникает сама речь“» (Арендт, Дубин, 2014: 153)⁶.

Превышающая человеческое разумение магическая сила языка сохраняет свою притягательность для Беньямина даже тогда, когда божественное выносится за скобки. В послании Буберу, отклоняя предложение этого видного сиониста сотрудничать с его журналом, Беньямин критикует свойственную публицистике манеру письма как раз за то, что она пренебрегает «тайной» языка, его священной обязанностью «подводить к тому, в чем слову отказано» (Беньямин, Болдырев, 2012b: 29). В результате речь, утрачивая свою исходную причастность к «невыразимому», превращается в орудие убеждения и манипуляции. Беньямин противопоставляет такому инструментальному логосу, которым в совершенстве овладела наука, альтернативный модус высказывания, ориентированный на поэзию. И все его последующее творчество развивается в русле именно этого, художественного подхода. Показательно, что теми немногими, кто рано распознал гений Беньямина, были не философы, а поэты — Гофмансталь и Брехт, чьей прозорливости Арендт воздает должное в своем эссе. И даже самые прогрессивные мыслители того времени, от которых Беньямин ожидал понимания и у которых искал поддержки, а собственно, руководители Института социальных исследований, относились к нему с настороженностью⁷.

⁶Определенную параллель с теорией Беньямина, которая опирается на Ветхий Завет, можно усмотреть в развиваемой Арендт в «*Vita activa*» концепции о человеке как «начинающем» существе: «С созданием человека принцип начала, оставшийся при сотворении мира как бы еще в руках Бога и тем самым вне мира, появился в самом мире и останется ему присущ пока существует человек; что в конечном счете означает лишь что человек есть тот Некто, с чьим сотворением совпадает сотворение свободы» (Арендт, Библихин, 2017: 220).

⁷С одной стороны, Беньямин числился внештатным сотрудником этого учреждения, регулярно писал статьи и получал за них небольшой ежемесячный гонорар, который в годы эмиграции оставался его единственным источником дохода. С другой стороны, ни Хоркхаймер, ни Адорно (каждый по своим причинам) не хотели видеть его в числе постоянных членов возглавляемого ими Института, который с 1933 г. дислоцировался в Колумбийском университете. И их промедление в организации отъезда Беньямина в Америку некоторые исследователи сегодня считают непростительным. С учетом обнародованных документов, согласно которым Институт располагал значительными денежными суммами, поступавшими от американских меценатов и научных фондов,

С похожей проблемой столкнулась и Ханна Арендт, хотя ее обстоятельства были совершенно иными. Завоевав заслуженное признание и обретя международную известность, она тем не менее ощущала свою чужеродность в американском научном мире. И дело не сводилось к тому, что ей приходилось думать и писать на иностранном языке. Гораздо большим препятствием стало сопротивление местного интеллектуального истеблишмента неординарности ее философских рассуждений. В апреле 1970 г. Арендт оставляет в своем не предназначенном для публикации «Дневнике размышлений» заметку, красноречиво озаглавленную «О трудностях, которые возникают у меня с английскими читателями» (Arendt, 2002: 770). Эту трудность Арендт усматривает в глубинной связи между языком и мышлением. Указывая на две основные тенденции, которые определяют духовный климат в Соединенных Штатах: аналитическую философию и психоанализ, — она останавливается не на очевидных различиях этих двух познавательных техник, а на их едва уловимом сходстве. Согласно Арендт, обе так или иначе стремятся редуцировать все многообразие языковых проявлений к заранее предполагаемому источнику их происхождения: в случае аналитической мысли таковым выступает объект, референт, к которому возводится целый ряд синонимов, а в случае психоаналитической — идея, архетипическое представление, к которому привязывается вереница ассоциаций. Арендт же переворачивает эту позитивистскую перспективу, настаивая на первичности разнообразия, которое несет с собой язык. «Более чем сомнительно, что без языка мы имели бы хоть какие-либо „идеи“, — пишет она. — И несомненно, что в развитии человеческого существа слова предшествуют идеям» (ibid.: 773).

Следствием осуждаемой Арендт позиции каталогизировать язык с целью его научного контроля является и наблюдаемое в английской среде отождествление понятий, которые для нее — как представительницы континентальной философии — принципиально различны. Реагируя на

предостережения со стороны Хоркхаймера о возможном прекращении финансирования и отказ в 1940 г. оплатить Беньямину билет на пароход в США, мотивируемые якобы отсутствием у Института средств, не имеют под собой никаких оснований. Когда в 1967 г. Ханна Арендт рассказала о страхах Беньямина лишиться расположения Хоркхаймера и Адорно и об автоцензуре, на которую он шел по этой причине, ее обвинили в намеренном подрыве репутации Франкфуртской школы, чуть ли не в том, что она возлагает на ее представителей ответственность за самоубийство Беньямина. Несправедливость такого рода нападок на Арендт изобличает Ульрих Фрис в своей подробнейшей реконструкции взаимоотношений Беньямина с Институтом в последние годы его жизни (см. Fries, 2021).

упреки, высказанные в адрес ее книг «Между прошлым и будущим» (1968) и «Люди в темные времена» (1968), она констатирует у рецензентов склонность к легковесной замене одних концептов другими: «прошлого» — «традицией», «темного» — «сложным», «мышления» — «идеологией», «метафоры» — «сравнением» (Arendt, 2002: 773). Так, трактуя «прошлое» исключительно как «традицию», они не допускают того, что, собираемое (по Беньямину) из фрагментов, оно свидетельствует именно о разрыве традиции. А когда эпитет «темный» во избежание поэтических коннотаций приравнивают к прилагательному «сложный», тогда теряется его экзистенциальная глубина, уступая место хитро-сплетению внешних событий. Следующая понятийная пара, которую приводит Арендт, сигнализирует о еще более серьезном промахе. Джон Уиллет, автор критического отзыва на сборник «Люди в темные времена», назвал «идеологичным» практикуемый ею способ мышления и предостерег американских читателей от «силков» и «приманок» этой идеологии (ibid.: 1145). По мнению Арендт, за таким обличительным наименованием кроется не научная близорукость, а кардинальное расхождение в понимании философской работы. Аналитический метод изучает язык, разлагая каждое предложение на малейшие составляющие, но ему совершенно чужд тот подход, который Беньямин окрестил «бурением»⁸, а Арендт в своем дневнике — «продумыванием существа дела до конца» (ibid.: 773).

В пользу того, что она имеет в виду «поэтическое мышление», говорит и последний из упомянутых ею примеров, касающийся метафоры. Когда лингвистическая философия обнажает механизм функционирования метафоры в качестве разновидности сравнения, она разрушает ее действие, поскольку — за счет проговаривания скрытых звеньев перехода — устраняет полисемантическую толкования. Арендт же считает многозначность необходимым свойством языка и отмечает (еще в 1950 г.), что нигде оно не проявляется так отчетливо, как в метафоре (ibid.: 46). Воплощенное в ней соединение буквального и образного, чувственного и абстрактного, выразимого и не доступного слову позволяет Арендт утверждать, что само мышление является метафоричным. Собственно,

⁸Целиком выдержка из письма Беньямина, которую Арендт цитирует в эссе, звучит так: «Цель подобных исследований — проникать в глубины языка и мысли... бурением, а не рытьем» (Арендт, Дубин, 2014: 148).

это его фундаментальное свойство и не принимается в расчет оппонентами Арендт, что она демонстрирует, опять же, через рецепцию Беньямина (Arendt, 2002: 773):

Я написала, что Беньямин мыслит поэтически, т. е. в метафорах. Пока все в порядке, — фиксирует она границу между приемлемым и неприемлемым. — Но затем я ставлю вопрос, что такое метафора... и чего она добавляется — единства мира. По мнению наших английских друзей, эти рассуждения не имеют отношения к Беньямину.

Фраза из эссе, к которой апеллирует здесь Арендт, выглядит так (Арендт, Дубин, 2014: 52):

Метафора — средство восстановить единство мира, опираясь на поэзию. В Беньямине хуже всего понимают как раз то, что он, не поэт, тем не менее обладал *поэтической мыслью*, а потому видел в метафоре величайший подарок языка. Языковой «перенос» позволяет придать материальную форму невидимому... и тем самым сделать его открытым для опыта.

Это значит, за понятием «поэтическое мышление» стоят не красоты и тонкости художественного стиля, как то склонны были подавать американские комментаторы, а особого рода философствование, сохраняющее верность не букве, но духу языка.

III

К метафоре Арендт возвращается и в последней своей, оставшейся незаконченной и опубликованной посмертно книге «Жизнь ума» (1978). Этот труд задумывался как философское рассмотрение ментальных способностей человека, которые — в качестве *vita contemplativa*, жизни созерцательной — дополняют и составляют противоположность *vita activa*, жизни деятельной. Арендт успела написать две части — «Мышление» и «Воление» (финальную главу предполагалось посвятить суждению). Вопрос о метафоре поднимается Арендт в первой части, причем именно тогда, когда она пытается эксплицировать неразрывную связь между мышлением и языком. Апеллируя к представлению о мышлении как диалоге с самой собой⁹, она акцентирует языковой характер подобного опыта. Разговор этот беззвучен и осуществляется в некотором отрыве

⁹ Явно напрашивающаяся дефиниция Платона, в которой мышление уподобляется безмолвной беседе души с самой собой, является, по Арендт, неточной, поскольку в ней не делается различие между душой и умом. Она же полагает, что «жизнь души [...] более адекватно выражается во взгляде, звуке, жесте, нежели в речи» (Арендт, Говорунов, 2013: 37), тогда как мышление невозможно без языка.

от мира, в медитативной уединенности. Но тот же самый язык требует от внутренней речи выйти в сферу публичности. В этом случае он выступает лицевой, феноменальной стороной мышления — тем, что делает видимым его невидимую работу. Необособленность отвлеченного мышления, его перетекание в область чувственного, в мир вещей и других людей, возможны благодаря языковому переносу, который есть не что иное, как метафора.

Метафора, перекидывая мост через бездну, разделяющую внутреннюю и незримую умственную деятельность и мир явлений, безусловно, является величайшим из даров¹⁰, которым язык мог бы наделить мышление и следом за ним философию, однако сама метафора имеет в большей степени поэтическое, нежели философское происхождение (Арендт, Говорунов, 2013: 108).

Метафора в теории Арендт служит связующим звеном между мышлением и реальностью, доступной нам в ощущениях. Разрабатывая свой концепт метафоры, Арендт, вероятно, следует Канту, который через посредническую инстанцию способности воображения сумел подвести многообразие чувственных впечатлений под единство категорий. И подобно тому, как способность воображения сочетала в себе параметры и апостериорного, и априорного измерений, так и метафора у Арендт координирует две основополагающие человеческие сферы: интеллигентную и деятельную, пассивную и активную, мысль и поступок, — снимая извечную метафизическую проблему двоемирия.

Язык, отдавая себя во власть метафорического использования, позволяет нам думать, т. е. сообщаться с нечувственным, поскольку допускает перенос, *metapherein*, чувственного опыта. Нет двух миров, поскольку их объединяет метафора (там же: 112).

Если воспользоваться емким образом Беньямина, то метафору у Арендт можно сравнить с пассажем, в котором интерьер жилого помещения сливается с просторами городских улиц. На манер этой переходной конструкции метафора скрепляет внутреннее и внешнее, помогая мысли находить дорогу к миру.

В своей интенции развернуть мышление как деятельность по преимуществу метафорическую Арендт сближается с Хансом Блюменбергом, который в те же годы создает метафорологию, призванную стать особой научной дисциплиной, проясняющей образование философских понятий

¹⁰Обращает на себя внимание, что Арендт здесь почти в тех же словах воспроизводит свое рассуждение о метафоре у Беньямина, процитированное выше.

из фигур речи. Сменяющие друг друга в истории культуры метафоры, визуализирующие, к примеру, универсум в его непостижимой целостности через образы театра, машины, книги, организма, картины и т. д., выступают, по Блюменбергу, первичными, черпаемыми из повседневности формами обобщения, задавая тем самым определенный вектор дальнейшему освоению природы. Правда, если в признании решающей роли метафоры для мышления оба философа стоят на общих позициях, приходят они к этому разными путями. Как пишет немецкий исследователь Ханнес Байор (Vajohr, 2015: 56–57),

у Блюменберга метафоры восстанавливают неспособность постичь абсолют реальности, заранее структурируя и ориентируя человеческое восприятие мира. Арендт же видит в метафорах артикуляцию незаметной деятельности мышления в публичном мире явлений и соединение мысли и действия. Это почти диаметральной инверсия направления, в котором метафоры осуществляют свой «перенос»: для Блюменберга они делают внешнее доступным внутреннему; для Арендт — внутреннее доступным внешнему. Блюменберг выделяет интерпретативный, Арендт — экспрессивный аспект метафоры в достижении единства мира¹¹.

Мощь метафоры, способная «восстановить единство мира поэтически» (Арендт, Дубин, 2014: 52), косвенным образом находит подтверждение и в сфере чистого теоретизирования. Ретроспективный обзор истории идей, осуществляемый Арендт, обнаруживает подверженность западного мышления метафоре зрения, посредством которой оно само себя описывает. Сравнение интеллектуальной деятельности с одним из чувств, способностью видеть, порождает культ истины как оче-видности. Следствием подобной монополии, согласно Арендт, оказывается и пренебрежение к языку, который воспринимался преимущественно в качестве инструмента запечатления и передачи уже свершившегося рационального прозрения. Только к началу XX в., когда дает о себе знать исчерпанность избранной парадигмы, ведущей свое происхождение от Платона и Аристотеля и культивируемой вплоть до Бергсона и Гуссерля, просыпается интерес к речевым практикам — в том числе и как к источнику метафор. Ценность заслуг Витгенштейна, Беньямина и Хайдеггера, предпринявших онтологическую разметку поля языка, заключается для Арендт

¹¹ Хотя помимо этого расхождения между двумя мыслителями существуют и другие, самым принципиальным из которых является отделение понятия от метафоры у раннего Блюменберга и их совпадение у Арендт, тем не менее Байор настаивает на параллельности их поисков, которая лишь усиливается, когда Блюменберг в 1970-е гг. пересматривает свои воззрения в пользу понимания Арендт (Vajohr, 2015).

не в том, что одна метафора должна уступить место другой (выдвижение слуха в противовес зрению у Хайдеггера, например), а в том, что больше не подлежит сомнению неизбывная метафоричность мышления как такового. Его постоянное ускользание от закрепления в какой бы то ни было конфигурации — свидетельство того, что мышление, всегда находясь в круговороте метафор, не имеет при этом метафоры для себя (Арендт, Говорунов, 2013: 108):

Главная трудность здесь, — отмечает Арендт, — видится в том, что для самого мышления — чей язык полностью метафоричен и чьи концептуальные рамки целиком зависят от дара метафоры, наводящей мосты между видимым и невидимым, миром явлений и мыслящим эго — не существует метафоры, которая могла бы достоверно осветить эту особую деятельность ума.

Похожий парадокс можно найти и в лингвистической теории Беньямина. Только там не мышление и не метафора, а непосредственно язык — как стихия метафорического мышления — странным образом лишен возможности вербальной самопрезентации. Он выражает «духовные сущности» всех вещей, утверждая их в бытии, но собственную «духовную сущность» — «сообщаемость» (Беньямин, Болдырев, 2012а: 13) — выразить не в силах. Имеющий слова для всего в мире, в отношении себя язык наталкивается на их невосполнимый дефицит. Единственным способом явить свою сущность становится говорение о другом. Для Беньямина истинность и глубину поэтической речи придает не предельная ясность (к ней как раз стремятся науки), а сохранение двойственности, осознание, что во всем высказываемом подспудно проступает принципиальная невыразимость языка как целого.

Поэтическое мышление, которое Ханна Арендт открыла благодаря Беньямину в качестве особого модуса философствования и которое практиковала сама, не сводится к лирике как литературному жанру. Тем не менее в творчестве Арендт можно найти и такой, сугубо художественный аспект его проявления. Начав писать стихи еще в юном возрасте, она никогда не пыталась их обнародовать. Однако именно к поэзии она обращалась в моменты предельной интенсивности чувств, в частности, испытывая боль утраты. В «Дневнике размышлений» Арендт есть несколько стихотворений на смерть близких ей людей: Германа Броха, Эриха Нойманна и др. Первую тетрадь, с которой начинается дневник

в 1950 г., предварял ряд литературных опытов, прозаических и поэтических, более ранних лет¹², в том числе стихотворение, озаглавленное «W. В.» и возникшее во вторую годовщину смерти Беньямина. Эти строки не только создают место памяти, словесный кенотаф ушедшему другу, но и воплощают собой саму суть поэтического мышления, сплавающего воедино живых и мертвых, прошлое и настоящее, видимое и невидимое.

Как только вечер почернеет,
Ночь брызнет звездами в лицо,
Мы вытянемся, коченея,
Неподалеку, далеко.
Из непроглядной тьмы повеет
Негромкий бережный напев.

Когда б прислушаться сумели,
Свои фаланги отперев.
Даль голосов и близь печали—
То голоса тех мертвцов,
Которых мы вперед послали,
Чтоб дали нам дожждаться снов¹³.

ЛИТЕРАТУРА

- Айленд Х., Дженнингс М. У.* Вальтер Беньямин : критическая жизнь / пер. с англ. Н. Эдельмана. — М. : Дело РАНХиГС, 2018.
- Арендт Х.* Жизнь ума / пер. с англ. А. В. Говорунова. — СПб. : Наука, 2013.
- Арендт Х.* Вальтер Беньямин: 1892–1940 / пер. с англ. Б. Дубина. — М. : Grundrisse, 2014.
- Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем., с англ. В. В. Библихина. — 2-е изд. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Беньямин В.* О языке вообще и о языке человека / пер. с нем. И. Болдырева // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения / под ред. Я. Охонько ; пер. с нем. И. Болдырева, А. Белобратова, А. Глазовой. — М. : РГГУ, 2012а. — С. 7–26.
- Беньямин В.* Письмо Мартину Буберу [О сущности языка] / пер. с нем. И. Болдырева // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения / под ред. Я. Охонько ; пер. с нем. И. Болдырева, А. Белобратова, А. Глазовой. — М. : РГГУ, 2012б. — С. 27–30.
- Крюкова Е. Б., Коваль О. А.* Вальтер Беньямин и Эрих Кестнер. К истории двух моралистов // *Studia Litterarum*. — 2021. — Т. 6, № 4. — С. 142–163.
- Arendt H.* *Denktagebuch : 1950 bis 1973. Zweiter Band* / hrsg. von I. Nordmann, U. Ludz. — München, Berlin, Zürich : Piper, 2002.

¹²Эти тексты не были включены редакторами в двухтомное издание «Дневника размышлений», и сведения о том, как выглядела первая тетрадь, почерпнуты из статьи Зигрид Вайгель (см. Weigel, 2005: 127).

¹³Arendt & Anders, 2016: 180. Перевод стихотворения Арендт на русский язык сделан М. Ю. Присталовым по просьбе авторов специально для данной статьи.

- Arendt H.* Wie ich einmal ohne Dich leben soll, mag ich mir nicht vorstellen : Briefwechsel mit den Freundinnen Charlotte Beradt, Rose Feitelson, Hilde Fränkel, Anne Weil und Helen Wolff / hrsg. von I. Nordmann, U. Ludz. — München : Piper, 2019.
- Arendt H., Anders G.* Schreib doch mal „hard facts“ über Dich : Briefe 1939 bis 1975. Texte und Dokumente / hrsg. von K. Putz. — München : C. H. Beck Verlag, 2016.
- Bajohr H.* The Unity of the World : Arendt and Blumenberg on the Anthropology of Metaphor // The Germanic Review : Literature, Culture, Theory. — 2015. — Vol. 90, no. 1. — P. 42–59.
- Benjamin W.* Briefe. Bd. 2 / hrsg. von G. Scholem, T. W. Adorno. — Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1966.
- Benjamin W.* Illuminations : Essays and Reflections / ed. by H. Arendt ; trans. from the German by H. Zohn. — New York : Harcourt Brace Jovanovich, 1968.
- Benjamin W.* Reflections : Essays, Aphorisms, Autobiographical Writings / ed. by P. Demetz ; trans. from the German by E. Jephcott. — New York : Harcourt Brace Jovanovich, 1978.
- Fries U.* Ende der Legende. Hintergründe zu Walter Benjamins Tod // The Germanic Review : Literature, Culture, Theory. — 2021. — Jg. 96, Nr. 4. — S. 409–441.
- Mahrdt H.* „Unausrottbar ist das Poetische solange es noch das Wundern gibt“ — Hannah Arendt über Walter Benjamin // Dichterisch Denken. Hannah Arendt und die Künste / hrsg. von W. Heuer, I. von der Lühe. — Göttingen : Wallstein, 2007. — S. 31–49.
- Schöttker D., Wizisla E.* Hannah Arendt und Walter Benjamin. Stationen einer Vermittlung // Text+Kritik. — 2005. — Nr. 166/167. — S. 24–57.
- Weigel S.* Dichtung als Voraussetzung der Philosophie. Hannah Arendts Denktagebuch // Text+Kritik. — 2005. — Nr. 166/167. — S. 125–137.

Koval, O. A., and E. B. Kriukova. 2024. "Posle Ben'yamina [After Benjamin]: poeticheskoye myshleniye Khanny Arendt [The Poetical Thinking of Hannah Arendt]" [in Russian]. *Filosophiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 99–116.

OXANA KOVAL

PHD IN PHILOSOPHY, ASSOCIATE PROFESSOR
RUSSIAN CHRISTIAN ACADEMY FOR THE HUMANITIES
NAMED AFTER FYODOR DOSTOEVSKY
(ST. PETERSBURG, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-4718-6669

EKATERINA KRIUKOVA

PHD IN PHILOSOPHY, RESEARCH SCIENTIST
RUSSIAN CHRISTIAN ACADEMY FOR THE HUMANITIES
NAMED AFTER FYODOR DOSTOEVSKY
(ST. PETERSBURG, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-6585-4611

AFTER BENJAMIN

THE POETICAL THINKING OF HANNAH ARENDT

Submitted: May 31, 2023. Reviewed: Sept. 03, 2023. Accepted: Jan. 09, 2024.

Abstract: Hannah Arendt used the term “poetical thinking” to describe Walter Benjamin’s specific manner of philosophizing. His approach, based on the expressive means of language, was strikingly different from the generally accepted metaphysical canons, but at the same time went against the innovative trends of Western thought—even those that focused on linguistic issues. This made him a marginal figure in the academic environment of the 1920s and 1930s. In the 1970s, when Benjamin’s legacy was rediscovered and his original intuitions turned out to be extremely consonant with modernity, he became one of the most outstanding intellectuals of the century. In this story of Benjamin’s posthumous fame, Hannah Arendt acted as a kind of medium. She not only took care of publishing his works and promoting his ideas among the American public, but also often turned to philosophical topics that interested Benjamin and developed them in her own way. To trace this reception, the article analyzes several sources: first, Arendt’s essay on Benjamin, which served as a preface to the English collection of his works; second, Arendt’s “The Thinking Diary”, in which the initial impulses of future theories were recorded; third, her philosophical testament, “The Life of the Mind”, in which among other things the original doctrine of metaphor is set forth. This review was conducted using Walter Benjamin’s philosophical concept of language. The study allows us to assert that poetical thinking, whose ancestor was thought to be Arendt’s prematurely deceased friend, is no less inherent in her own philosophy.

Keywords: Hannah Arendt, Walter Benjamin, Philosophy and Literature, Language and Thinking, Metaphor, Hans Blumenberg.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-99-116.

REFERENCES

- Arendt, H. 2002. *Denktagebuch: 1950 bis 1973. Zweiter Band* [in German]. Ed. by I. Nordmann and U. Ludz. München, Berlin, and Zürich: Piper.
- . 2013. *Zhizn' uma [The Life of The Mind]* [in Russian]. Trans. from the English by A. V. Govorunov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.

- . 2019. *Wie ich einmal ohne Dich leben soll, mag ich mir nicht vorstellen: Briefwechsel mit den Freundinnen Charlotte Beradt, Rose Feitelson, Hilde Fränkel, Anne Weil und Helen Wolff* [in German]. Ed. by I. Nordmann and U. Ludz. München: Piper.
- Arendt, H., and G. Anders. 2016. *Schreib doch mal "hard facts" über Dich: Briefe 1939 bis 1975. Texte und Dokumente* [in German]. Ed. by K. Putz. München: C. H. Beck Verlag.
- Arendt, Kh. 2014. *Val'ter Ben'yamin: 1892–1940 [Walter Benjamin: 189–1940]* [in Russian]. Trans. from the English by B. Dubin. Moskva [Moscow]: Grundrisse.
- . 2017. *Vita activa, ili O deyatel'noy zhizni [The Human Condition]* [in Russian]. 2nd ed. Trans. from the German and from the English by V. V. Bibikhin. Moskva [Moscow]: Ad Marginem Press.
- Aylend, Kh., and M. U. Dzhennings. 2018. *Val'ter Ben'yamin [Walter Benjamin]: kriticheskaya zhizn' [A Critical Life]* [in Russian]. Trans. from the English by N. Edel'man. Moskva [Moscow]: Delo RANKhiGS.
- Bajohr, H. 2015. "The Unity of the World: Arendt and Blumenberg on the Anthropology of Metaphor." *The Germanic Review: Literature, Culture, Theory* 90 (1): 42–59.
- Benjamin, W. 1966. *Briefe* [in German]. Ed. by G. Scholem and T. W. Adorno. Vol. 2. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- . 1968. *Illuminations: Essays and Reflections*. Ed. by H. Arendt. Trans. from the German by H. Zohn. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- . 1978. *Reflections: Essays, Aphorisms, Autobiographical Writings*. Ed. by P. Demetz. Trans. from the German by E. Jephcott. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- . 2012a. "O yazyke voobshche i o yazyke cheloveka [Über Sprache überhaupt und über die Sprache des Menschen]" [in Russian]. In *Ucheniye o podobii. Mediaesteticheskiye proizvedeniya [The Doctrine of Similarity. Media Aesthetic Works]*, ed. by Ya. Okhon'ko, trans. from the German by I. Boldyrev, 7–26. Moskva [Moscow]: RGGU.
- . 2012b. "Pis'mo Martinu Buberu [O sushchnosti yazyka] [An Martin Buber, 17 Juli 1916]" [in Russian]. In *Ucheniye o podobii. Mediaesteticheskiye proizvedeniya [The Doctrine of Similarity. Media Aesthetic Works]*, ed. by Ya. Okhon'ko, trans. from the German by I. Boldyrev, 27–30. Moskva [Moscow]: RGGU.
- Fries, U. 2021. "Ende der Legende. Hintergründe zu Walter Benjamins Tod" [in German]. *The Germanic Review: Literature, Culture, Theory* 96 (4): 409–441.
- Kryukova, Ye. B., and O. A. Koval'. 2021. "Val'ter Ben'yamin i Erikh Kestner. K istorii dvukh moralistov [Walter Benjamin and Erich Kästner. The Story of Two Moralists]" [in Russian]. *Studia Litterarum* 6 (4): 142–163.
- Mahrtdt, H. 2007. "'Unausrottbar ist das Poetische solange es noch das Wundern gibt' — Hannah Arendt über Walter Benjamin" [in German]. In *Dichterisch Denken. Hannah Arendt und die Künste*, ed. by W. Heuer and I. von der Lühe, 31–49. Göttingen: Wallstein.
- Schöttker, D., and E. Wizisla. 2005. "Hannah Arendt und Walter Benjamin. Stationen einer Vermittlung" [in German]. *Text+Kritik*, nos. 166/167, 24–57.
- Weigel, S. 2005. "Dichtung als Voraussetzung der Philosophie. Hannah Arendts Denktagebuch" [in German]. *Text+Kritik*, nos. 166/167, 125–137.